

**ПРОБЛЕМА «СОВРЕМЕННОСТИ»
В ФИЛОСОФИИ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА**

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет является влиятельнейшим философом общеевропейской и общемировой культуры. «Восстание масс», переведенное почти на все европейские языки, не только принесло ему славу, но и оказало влияние на лучшие умы Европы начала XX в. Ортега родился в 1883 г., в семье потомственных интеллигентов. Обучаясь в колледже иезуитов, Ортега овладевает латынью и древнегреческим языками. В 1904 г. он оканчивает университет и получает докторскую степень. Затем семь лет проводит в университетах Германии, с предпочтением Марбургского, где в то время блистал Г. Коген. «Неокантианская закалка» сказалась на мышлении философа. По возвращении в Испанию Ортега получает назначение в Мадридский университет, где преподает до 1936 г., до гражданской войны. Испания переживала один из трагических моментов своей истории. Потерпев в 1898 г. поражение в испано-американской войне, она утратила последние свои колонии. В результате правления бурбонской династии страна с блестящим историческим прошлым и высочайшей культурой в короткий миг стала европейской политической и культурной провинцией.

Многочисленные группы интеллигенции, к которой принадлежали Мигель де Унамуно, Пио Бароха, Х. Гаос, Федерико Гарсиа Лорка, Валье Инклан, Антонио Мачадо, Сальвадор Дали, Л. Бунюэль, П.Л. Энтральго, Д. Ридруэхо, Х.Р. Хименес и многие другие, ставили перед собой проблему обновления национальной духовной жизни. Первая и центральная тема этого поколения – Испания, ее прошлое, ее историческая судьба. «Испания как проблема» – определил эту тему П. Лаин Энгральго, «У меня болит Испания» – эта фраза Унамуно стала крылатой... Несчастливая, униженная поражением, отсталая, темная, невежественная Испания как бы стала частью их тела... Родина представлялась им проблемой, которую надо решить, загадкой, которую надо разгадать»¹. А. Мачадо, описы-

* Матвейчев Олег Анатольевич – научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

¹ Тертерян И.А. Испытание историей. М., 1973. С. 5.

вая культурную ситуацию Испании, с горьким смирением замечает: «Мы сохраняем, блюдя верность традициям, наше место хвостового вагона»¹. Среди испанской интеллигенции были сторонники различных политических позиций (так, Гарсиа Лорка, Л. Бунюэль и др. были в оппозиции фашистскому режиму, а Д. Ридруэхо, П.Л. Энтральго, Х.Р. Хименес принадлежали к франкистской элите). Объединяло их понимание того, что при определении пути дальнейшего развития общества необходимо осмыслить свою национальную суть и основы национальной общности. Эта ситуация во многом напоминает Россию начала XX в.: тот же комплекс «хвостового вагона» Европы, та же боль за судьбу России, та же попытка осмысления русской истории, тот же раскол по отношению и политическим событиям. Та же ситуация у нас и сейчас, поэтому размышления Ортеги о современности являются актуальными.

Вернувшись из Германии, он включается в культурную жизнь своей страны, создает журналы, сам активно публикуется, читает лекции в университете. Огромная его заслуга состоит в том, что он открыл для испанской культуры с помощью своих лекций и переводов имена Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, Ф. Брентано, Й. Хейзинги, О. Шпенглера. Ортега создал книжную серию «Библиотека идей XX века». Лекции Ортега вызвали огромный интерес. Кроме того, он участвовал в tertulias – особых видах собраний друзей и единомышленников, проводившихся в кафе или помещении газеты или журнала. Участники собраний содействовали приезду в Испанию выдающихся представителей европейской культуры.

В 20–30-е гг., период бурных политических событий, Ортега, как и многие его коллеги-интеллектуалы участвует в политической жизни. Он выступает за Республику, но в какой-то момент отказывается от политики, к которой больше никогда не возвращается. Политическая борьба, запутанные интриги его мало привлекали. Аристократ по мировоззрению, он увидел в политической жизни нечто плебейское и недостойное. С 1933 г. Ортега занимается только преподавательской деятельностью. Вокруг него собираются

¹ Цит. по: *Гойтисоло Х.* Хвостовой вагон // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. М., 1986. С. 285.

единомышленники – философы Г. Моренте, Х. Гаос, Х. Субири и др. Когда в 1936 г. началась гражданская война, Ортега, воспринявший ее как трагедию нации и не желающий присоединиться ни к одной из сторон, покинул Испанию и прожил за границей девять лет. Он путешествовал по Европе, Латинской Америке, выступал с лекциями. Материальное положение его было катастрофическим, здоровье неуклонно ухудшалось.

Франкистский режим, зная об известности Ортеги, пытался заигрывать с ним, его приглашали читать лекции, предлагали кафедру, на все официальные власти получали вежливый отказ. За границей известность и уважение соседствуют в его жизни с упадком популярности. Ему отдают дань как «мэтру», но живут другими идеями. Ортега-и-Гассет умирает в 1955 г.

Как же отразилось в его произведениях интереснейшее время, в которое он жил, события, под влиянием последствий которых мы все до сих пор пребываем? Этим событиям хватило бы ни на одну жизнь: здесь и революция, и мировые войны, и путешествия по разным странам мира... Прежде чем обсуждать проблемы эпохи, в которую жил знаменитый испанский философ, мы должны выяснить, в чем он вообще видел назначение философии как таковой, безотносительно ко времени, в которое происходит философствование? Ответ на этот вопрос характеризует отношение личности к событиям современности. Не секрет, что мировоззрение многих требует активной политической позиции, но есть и такие, которые наоборот, считают, что философия должна отвернуться от проблем мира.

Философия, с точки зрения Хосе Ортеги-и-Гассета, есть наиболее теоретическое отношение к миру. Хотя многие науки далеки от опыта и он не является источником познания для них, а таковым выступает интеллект (например в математике), тем не менее все эти науки имеют практические цели или практическую применимость. Философия – это сам интеллект, область, где господствует только дух, и нет ничего кроме духа. Но все сказанное, относится скорее к идеальной философии. Реальная философия может быть и не такой, она может не соответствовать этому идеалу. Реальный философ может, например, использовать философию в практических целях совершенно сознательно, как это делает идеолог, и может бессознательно придавать независимый вид своим практиче-

ским целям. Но в принципе философ должен стремиться к чистому непрактическому созерцанию. Достижим ли этот идеал? Кажется, что это совершенно невозможно, что жизнь устроена сугубо практически и философия в ней, как что-то совершенно непрактическое, не нужна и невозможна. Однако спросим себя: какую пользу имеет и сама жизнь? Оказывается, что возникновение жизни «есть в конечном счете утилитарно необъяснимый огромный спортивный феномен»¹.

Итак, сама жизнь как таковая – не утилитарный феномен. Философия – тоже не утилитарный феномен. Получается, что истинная философия тождественна с жизнью. И философия, и жизнь одинаково существуют «не зачем», одинаково существуют «просто так». Все остальное в этом мире существует «для чего-то», все остальное в этом мире несамостоятельно, ибо оно держится только за счет того, «для чего оно». Только жизнь не существует ни для чего, только философия не существует с какой-то целью. Жизнь и философия – вот то, что в этом мире есть самостоятельного. Они самостоятельны, суверенны и поэтому царствуют над всем. Выше было сказано, что философия как независимая и самостоятельная – это идеал, что реальная философия только стремится к этому идеалу. А вот жизнь, она уже независима, она уже суверенна и самостоятельна. Поэтому можно рассматривать философию как попытку стать жизнью, как попытку максимально приблизиться к жизни – самостоятельному, неутилитарному феномену. Ни одна другая наука таких попыток не совершает. Все другие науки гордятся своим практицизмом, гордятся тем, что они нужны для чего-то. Все другие науки враждуют с жизнью, они переделывают, перекраивают ее. Отношение философии к другим наукам в свое время прекрасно определил Аристотель, сказав, что «все науки более необходимы, но ни одной нет выше».

Философия – наука спортсменов. Спортсмен – это человек совершающий усилие не для кого-то или чего-то, а для самого себя, из чистого сознания силы, из чистого роста самой силы. Подобно тому, как птица не умеет не летать, а хищник не охотиться на травоядных, так и интеллект не может не мыслить. И все-таки че-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что есть философия? // Логос, 1991. № 1. С. 22.

Человек добивается того, что его интеллект не мыслит, человек идет против собственной природы, погружаясь в практицизм. Итак, философия стремится познать жизнь, стать самой жизнью. Но почему она не является ею с самого начала? Почему так трудно достичь этого независимого непрактического отношения. Если человеку присуще мышление по природе так же, как полет присущ птице, то почему же человеку так трудно мыслить, если птице летать не трудно? Почему человек вместо того, чтобы пребывать в спокойном свободном мышлении использует любую возможность, чтобы не мыслить. Человек готов совершать любые дела, заниматься чем угодно, лишь бы не мыслить. Заставьте какого-нибудь рабочего, который каждый день жалуется на то, что ему приходится тяжело работать и проклинает бездельников-философов, заставьте этого рабочего поменяться с философом местами... Заставьте его прочитать какую-нибудь философскую книгу, заставьте его поразмышлять о мире, причем не в двух-трех словах, а основательно, и вы обнаружите, что этот рабочий человек скоро заявит, что лучше он отработает смену бесплатно, чем будет заниматься такой «ерундой». Почему дети в школах отлынивают от учебы и готовы заниматься всем чем угодно, только чтобы не ходить на уроки? Конечно, не все, но большинство людей избирает именно такой путь. Только не нужно потом жаловаться на свою тяжелую жизнь и называть философа бездельником. Вам тоже никто не мешал стать философом! Никто, кроме Вас самих, поэтому Вы сами выбрали свой путь и выбрали его потому что Вам казалось, что «так легче». Кто-то считает, что легче работать лопатой, чем учить высшую математику, кто-то считает, что легче учить высшую математику, чем работать лопатой. Но в таком случае мы приходим к антигуманной концепции: одни люди созданы, чтобы работать умственно, другие – физически. Именно так было в платоновском и аристотелевском «государствах».

По всей видимости, человек имеет одну сущность, а мышление и физиология – разные ее проявления. Главное не в том, работает человек физически или умственно, главное, чтобы он делал это свободно. Мыслителю тоже хочется иной раз «пробежаться по росе», поделаться какие-нибудь физические упражнения, а тому, кто трудится физически, хочется иной раз поразмыслить и помечтать... Бытие человека расколото. Всякий человек ощущает себя только

частью, а не чем-то целым. Это ощущение и есть ощущение зависимости, а ощущение себя целым – есть ощущение свободы. Люди бегут от школы и умствования, пресытившись ими. Им кажется, что они обретут целостность в труде. Люди бегут от труда, устав физически. Им кажется, что мышление есть покой. Но они только меняют «шило на мыло», одну крайность на другую и остаются недовольны. Им кажется, что их обманули, им кажется, что то, с чем они только что расстались, было лучше, чем то, что они только что приобрели. Им кажется, что только они в проигрыше, а все остальные – в выигрыше. На самом деле, это общая проблема. Каждый думает, что там, где его нет, лучше. И каждый желает, чтобы было наоборот – быть там, где лучше всего. «Во всем данном бытии, в каждой частичке информации мира находим существенную черту его излома, его характер части, видим увечье его онтологической искаженности, в нас кричит его боль по ампутированному члену, что ностальгия по части, которой не хватает ему для совершенства, его божественное недовольство»¹.

И вот перед нами весь представляется чем-то расколотым и тяготеющим друг к другу. Но поскольку мы видим только части и их совокупность, то нас сразу же захватывает следующее подозрение: могла ли материя дать себе бытие, прийти к бытию своей собственной властью².

Очевидно, что нет. Каждая часть существует для чего-то и в связи со всеми, поэтому не может эта часть быть независимой ни от чего. Мы всегда предполагаем, что существует нечто целое. Поэтому ищем эту целостность. Мы обманываемся, когда принимаем часть за целое, но вновь и вновь продолжаем его искать. Только в целом мы видим свое спасение. «Не будучи способным поддержать свое собственное бытие, он взывает к недостающему ему, объявляет свое небытие и заставляет нас философствовать; потому что именно это и значит философствовать – искать целостность мира, завершать его в Универсуме и строить для части целостность, где она могла бы вместиться и успокоиться»³.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? ... С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

Самое главное заблуждение, которое преследует людей – это попытка найти целое, в какой-либо из частей. Одни видят его в конкретных вещах мира, другие – в какой-либо деятельности. Третьи объявляют таким целым какую-либо идею. Но в том то и суть, что целое никогда не дано, оно всегда отсутствует и представляет проблему. Если вам заявляют, «я нашел целое, приди и возьми его», то это скорее всего ложь, это скорее всего идеология, которая подсовывает частичное представление, взгляд на мир из некоторой точки. Философ интересуется только проблемой, а то, что познано, проблемой не является. Все знания только частичны, и поэтому они не удовлетворяют истинного философа, который ищет только целое. Собственно, все люди с самого начала его взыскуют, но потом рано или поздно перестают искать, останавливаются, удовлетворяются какой-то частью, кто большей, кто меньшей. Философ – это тот, кто совершает усилие без конца, никогда не останавливается на достигнутом. Философ поэтому и враг самих мировоззрений, идеологий, так как они останавливаются на достигнутом, они произвольно берут какую-то часть мира за истину. Он, как скальпелем, отрезает от себя все самоочевидные житейские истины, равно как и научные достижения, равно как и религии и мировоззрения. Такая тотальная подозрительность ко всем истинам – это не все в философии. Философ понимает не только то, что часть есть часть, но и то, что часть есть часть целого. Поэтому на своем пути он не отбрасывает истины и частичные мировоззрения, и собирает их, интегрирует в систему. «Философия есть интегральное мышление и ничего больше – со всеми его преимущественными и, естественно, недостатками»¹.

Ошибка обычных людей в отличие от философа состоит еще и в том, что они, ища целое и хватаясь за определенную часть, отвергают и другие части, между тем как все, что человек услышал или увидел, должно на него действовать так, чтобы он менялся. Если человек прочел книгу, посмотрел фильм, что-то услышал или почувствовал и остался таким же, как раньше, значит, он отверг некую часть мира и считает то, что он имеет (свою часть) самодостаточной. Но так не бывает. Истинный философ прислушивается

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? ... С. 26.

ко всему. Но что это за огромная претензия, слышать и познавать все и вся, не отдаст ли она титанизмом, манией величия; не является ли эта претензия неисполнимой? Да, если человек собирается познать все вещи в их частности и индивидуальности. Но философ этого не делает, его интересует та сторона вещи, которая имеет отношение к целому, та пуповина, которая связывает эту часть с целым. Поэтому философ – тоже специалист (т.е. он тоже занимается частью чего-то), но «специалист по универсумам»¹.

Поскольку философа интересует всеобщее в каждой вещи, он абстрагируется от индивидуального и берет только форму. Форма или техника, абстракция или теория – то, что интересует философа. Всеобщее обязательно выражается в словах, ибо нет слов, которые бы придумывались специально для единичного предмета. Формы, процессы, техники, отношения между вещами, иначе говоря, связь целого должна представляться в словах. Философия противостоит мистике, которая молчаливо переживает целостность. Но мистика, коль она молчит, переживает скорее часть и индивидуальность, поэтому ее никто не может понять. Индивидуальности чужды друг другу, лишь о всеобщем и во всеобщем может быть разговор. Философия претендует на общезначимость, она есть воля и ясность к полуденному, она все выводит на поверхность, ибо целое, как оно существует, существует не само по себе, а как часть вещи. Каждая философия – это целое с определенной точки зрения (не путать просто с частичной видимостью). К целому можно идти с любого места, так как всякая вещь связана с целым, и целое может выйти на поверхность в любой точке. Философ это тот, кто реализует этот шанс, выводит целое на поверхность в той точке, где он находится. Таковы важнейшие задачи философа, таковы возможности философии. Как же реализовал эти возможности, как вывел на поверхность это целое философ Ортега-и-Гассет в определенной точке пространства и времени?

Почему мы с самого начала говорим о диагнозе современности? Почему мы с самого начала предполагаем, что современность чем-то больна? Так оно и есть. Как было показано выше, каждый человек, каждое время – вообще все, что встречается в этом мире,

¹ Там же. С. 27.

тяжело больно, оно является только частью. Ортега прямо говорит, что все чувствует боль, как чувствует ее «калека в ампутированной конечности»¹. А философия, как мы только что выяснили, является единственной возможностью исцеления. Дело в том, что всякое исцеление, каким бы оно ни было (а оно по необходимости всегда самое разнообразное), называется философией. Современность (т.е. люди, живущие в одно время) исцеляются философией, и по тому, какова их философия, можно судить об их времени (недаром Гегель говорил, что философия – квинтэссенция эпохи). Можно судить о том, что эти люди считали своей болезнью, своей частностью, с какими частностями еще имели дело, чтобы интегрировать их в свою систему, и в чем они видели выздоровление. То, с чем встречается философ в мире, что он застаёт как первоначальную данность, как ту часть, которая ему дана, чтобы он развил ее в целое, – все эти вещи делятся на два рода – на вещи – объекты и мысли об этих вещах. «Если бы философ встречался только с объектами, то философия всегда была бы примитивной. Но вместе с вещами исследователь обнаруживает мысли других людей, все прошлое человеческих размышлений, бесчисленные тропы предшественников...»². И сразу же человек может занять две позиции по отношению к этому прошлому: либо оно развивает и продолжает традицию, либо воюет с ней. Сразу же мы понимаем, что желание поколения остаться при том, что оно имеет, при той части, которая у него есть, – не философская, а позитивистская позиция, позиция идеолога или самодовольного субъекта, но только не философа. Ортега не желает жить в «кумулятивные» накопляющие эпохи, он не любит поколения, которые не выполняют возможных на него задач и не борются за собственное лицо. «Я полагаю, что по всей Европе, но особенно в Испании, нынешнее поколение является одним из таких поколений-дезертиров»³, – говорил он в 1921 г.

Это поколение не может решительно порвать со своим прошлым. Прошлое, между прочим – это политическая болтовня о «консерватизме» и «прогрессизме», так как эти разговоры уже должны были кончиться в 1890 г. Мы должны отвернуться от этого

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? ... С. 23.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 7.

прошлого и присмотреться к будущему. Будущее – не есть игра случая, оно содержится в настоящем – подтверждение тому исторические пророчества. Ни одна эпоха не обошлась без того, чтобы ее не предсказал кто-нибудь из предшественников. Всегда есть хотя бы одно пророчество, которое сбылось, а это значит, что будущее делаем мы. «Каково же наше будущее?» – задает вопрос Ортега своему поколению (Напомним, это происходит в 1921 г. накануне величайших событий в Европе). Это будущее определяется настоящим, а в настоящем происходит борьба между двумя фундаментальными принципами: релятивизмом и рационализмом. И дело не в том, что это якобы сугубо научная или философская проблема. Философия как мы помним, стремится быть тождественной с жизнью, поэтому борьба в ней – это борьба в жизни. Человек, сам того не зная, может исповедовать тот или иной принцип: быть даже в быту рационалистом или релятивистом. Один (релятивизм) отвергает «истину» вообще и говорит только о частных истинах, другой (рационализм), наоборот, считает, что истина едина и не является свойством наших индивидуальностей. Почему, однако, рационализм еще не открыл эту истину? То, что рационализм давал вместо нее, это грубые геометрические схемы, которые господствовали не только в математике, но и в политике («Декларация прав человека»). Релятивизм же сам отвергает себя, так как отрицание претензии на истину само должно обладать статусом истины, что для релятивизма неприемлемо.

Наша эпоха подходит к миру с других позиций. Она отказывается просто так ставить вопрос о релятивизме и рационализме и спрашивает об их основаниях. Основной всего выступает жизнь, она же основа мышления. «Я мыслю точно так же, как перевариваю, как бьется кровь в моем сердце»¹, и поэтому мышление индивидуально, если оно принадлежит мне и служит моей жизни. С другой стороны, опять-таки для своей же пользы, я должен познавать вещи такими, как они есть. «Я не могу мыслить с пользой для моих биологических целей, если не мыслю истинно»². Итак, человек подчиняется двойному императиву: субъективному и объективному (это

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 19.

пронизывает и волю, и эстетические акты). Спонтанные жизненные императивы – это искренность для мышления, порыв для воли, наслаждение для чувства. Духовные культурные императивы – это истина для мышления, доброта для воли, красота для чувства. Поскольку культура есть производное от жизни, жизненные императивы имеют приоритет, особенно когда культура достигла завершения. «В эпохи реформ, вроде нашей, нужно отказать в доверии завершённой культуре и содействовать культуре нарождающейся. А это значит, что культурные императивы откладываются в сторону и с неизбежностью становятся императивы жизненные»¹. Это специфика эпохи. Ортега прослеживает историю философских учений от буддизма и христианства до новейших культуристов, прогрессизмов, футуристов, утопизмов и везде обнаруживает одно: в иерархиях ценностей жизни всегда отводилось последнее или «предпоследнее» место. Только Гете и Ницше из мыслителей выбирают Ортегой себе в попутчики. Они открыли жизненные ценности.

«Новые симптомы», т.е. появление новых жизненных ценностей, началось в XX в. И это радует Ортегу. Во-первых, появилось новое искусство, которое ничего общего не имеет с искусством прежним, слишком «серьезным» и «тяжеловесным» (даже романтизм слишком серьезен). Главная тенденция нового искусства – это его дегуманизация: «далекий от того, чтобы по мере сил приближаться к реальности, художник решает пойти против нее. Она ставит целью дерзко деформировать реальность, разбить ее человеческий аспект, дегуманизировать ее»². Второй симптом – это спорт. Культурный прогрессизм прошлых столетий заставлял человека делать что-либо, полагал обязательство, ставил перед ним цели. А такого рода деятельность – есть труд XIX в. «Труду противостоит иной тип усилия, рождающийся не из принуждения, а являющийся вольным, щедрым импульсом жизненных возможностей – это спорт»³. И, наконец, в философии появляется новое направление «философия жизни», которая противопоставляет рационализму и релятивизму учение о точках зрения. «Чистый разум необходимо заменить жизненным разумом, в котором он находит свое место,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? ... С. 25.

² Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 234.

³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? ... С. 43.

обретает подвижность и силу изменчивости»¹. Кроме того, каждый индивид является ценнейшей точкой зрения.

Что общего в трех описанных симптомах? Искусство – совершенно элитарно и является непонятным мировой публике: спорт – противостоит труду, «который есть усилие неквалифицированное, лишенное качества и собственной значимости ... поэтому труд обладает однородным и чисто количественным характером, позволяющим почасно его измерять и математически возродить»². И наконец – новая философия утверждает аристократизм, ценность индивидуальной точки зрения на жизнь. Все эти три симптома видятся на фоне упадка политики. Политичность, жизнь общественная – вот истинный враг, воплощение старого для Ортеги. Исток всех прежних бед (в том числе революций, математического, уравнивающего все и вся метода науки, подневольного труда, популярного искусства) Ортега находит в «массовости» человека. То, с чем должна расстаться нынешняя новая эпоха, – это с массовостью, т.е. с тем, чем жил XIX в. «Чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью»³.

Ответственность за выдох широких масс на историческое поприще несет XIX в., и Ортега находит даже статистическое подтверждение тому: «...за двенадцать веков своей истории, с шестого по девятнадцатый, европейское население ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов. А за время с 1800 по 1914 г. – за столетие с небольшим – достигло четырехсот шестидесяти. Контраст, полагаю, не оставляет сомнений в плодovitости прошлого века. Три поколения человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, затопила тесный отрезок истории... С другой стороны, это еще одно, и притом самое осязаемое, слабое место роста жизненной силы X...»⁴.

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 43.

³ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры ... С. 311.

⁴ Там же. С. 313.

Главными свойствами массового человека Ортега считает рост жизненных запросов и одновременно неблагодарность к тому, что обеспечивает их удовлетворение. Массы не могут жить без элит. XIX в. достиг успехов благодаря науке, которая возникла ранее. Техника только многократно умножила изобретения отдельных гениев. Но массу не заботит одиночка гений, масса презирует его. Масса, точнее говоря, его просто не замечает, так как для массы все равны. Она не способна видеть ничего, что находится выше ее. Ну и тот, кто не видит ничего выше самого себя, естественно, считает себя совершенным. Главное качество массового человека – самодовольство. «Впервые возникает в Европе тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю»¹. Именно такой массовый тип человека становится основой для новых общественных порядков, которые Ортега называет синдикализмом и фашизмом.

«Последний европейский клич «хватит дискуссий!» – это ненависть к любому сосуществованию, по всей природе объективно упорядоченному, от разговора до парламента, не говоря о науке. Иными словами, отказ от сосуществования культурного, и отказ к варварскому»².

Но что же мы слышим? Не Ортега ли восемь лет назад говорил о том, что нужно противопоставить объективному – субъективное, культуре – жизнь, и красоте – удовольствие? Именно это и делает масса. Не получается ли у Ортеги как в поговорке: «за что боролся на то и напоролся»? Ни в коем случае. Мы уже говорили, что жизненные ценности у Ортеги с самого начала противоположны всему массовому. Вообще жизнь для него «это вечное усилие»³. Эпоха масс начинается там, где на первое место ставится сытость и довольство. Это не жизнь. Или точнее не настоящая жизнь. Настоящая жизнь «расцветала лишь тогда, когда ее растущие возможности уравнивались теми трудностями, что она испытывала»⁴.

Массовый человек – это не новый жизненный принцип в противоположность старому. Это вообще отсутствие принципов.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры ... С. 324.

² Там же. С. 325.

³ Там же. С. 335.

⁴ Там же. С. 336.

Масса ничего не производит, она только отрицает и губит старое. «Персонаж моей книги знаменует собой не торжество новой цивилизации, а лишь голое отрицание старой»¹.

Массовая цивилизация называется Ортегой «варварской». Здесь чрезвычайно важно видеть отличие «варварства» от «жизни». Да, и то и другое противостоят культуре. Но жизнь противостоит как нечто более высокое, а варварство как нечто более низкое. Если символами жизни для Ортеги были Гете и Ницше, то это делает понятным, что жизнь не тождественна варварству. Хотя, если говорить о Ницше, мы можем увидеть те же недоразумения. Сколько обвинений в его адрес можно услышать? Дескать, Ницше – предтеча фашизма. В самих работах Ницше нет прямых опровержений этого. Оно и понятно. Он умер на четверть века раньше. Антифашизм выводится из Ницше лишь косвенно. Он так же презирал массы, политику «национальный эгоизм», государство, труд, рационализм XIX в. и предшествующих веков. Но вот Ортега, который поддерживает Ницше в его начинаниях, имел возможность увидеть фашизм и высказался по его поводу недвусмысленно. Фашизм для него – воплощение прошлого, это рудимент XIX в. в нашем столетии. Это результат того, что новое поколение оказалось поколением дезертиров и не выполнило своих задач по утверждению нового немассового мировоззрения. Это результат того, что новое поколение больше занималась не философией, которая ориентирована на поиск целого, а политикой, которая по определению партийна, т.е. частична. Политика, по Ортеге, это вообще нечто противоположное философии, как часть противоположна целому. И в самые трудные, самые болезненные, самые «частичные» эпохи, когда «частность» ощущается сильнее всего (а именно, от «частичности» – все болезни) выход надо искать в философии, потому что только она одна представляет собой исцеление. Политика может только усугубить частность. Но люди почему-то предпочитают лечиться именно тем лекарством, от которого заболели.

Был ли Ортега-и-Гассет одинок в своих оценках? Ближайшим современником, не в смысле времени, а в смысле пространства, к Ортеге был Мигель де Унамуно. Пожалуй, можно сказать, что

¹ Там же. С. 350.

Мигель де Унамуно являлся не менее, а более авторитетной фигурой в Испании в начале века, чем Ортега-и-Гассет. Правда, слава последнего простиралась за границы Испании. И это не случайно. Подобно тому, как в России интеллектуалы делились на «западников» и «славянофилов», в Испании происходило деление на «испанофилов» и «европофилов». Ортега видел спасение Испании в тесной интеграции с Европой, для него Европа была идеалом, к которому Испания должна стремиться. То, что Европа погрязла в проблемах, что в ней господствуют массы, – бесспорно проблемы. Но это не значит, что Испании этих проблем удастся избежать. Европа преодолет эти проблемы. Спасением для Европы, особенно в конце жизни, Ортега считал Америку. В ней, с его точки зрения, наиболее полно реализовался тот тип жизненного прагматического разума, о котором он мечтал. Америка не гиперкультурна как Европа, и в то же время она не варварская страна, а вот Европа мечется между культурой и варварством и никак не может найти «золотую середину» – жизнь.

Позиция Унамуно не такова. Он считает, что Испания не должна следовать за Европой, а Европа за Америкой. И европейский рационализм и американский прагматизм одинаково бездушны и материалистичны. Подлинно испанский дух – это дух мистицизма, который воплощает Дон Кихот. Вспомним, мы разбирали претензии Ортеги к мистицизму. Мистицизм – это обитель индивидуальности. Но именно на ней и настаивает Унамуно. Болезнь, частично от которой Ортега хочет вылечиться с помощью целого, является с точки зрения Унамуно нормальным состоянием человека. Человек – личность, во всей своей индивидуальности – вот центр философствования. И это не «философия жизни», а философия «трагического чувства жизни». Первое эссе Унамуно так и называлось: «О трагическом чувстве жизни у людей и народов».

Если Ортега принадлежал к тому западному философскому направлению, которое называют философией жизни, то Унамуно был предвестником экзистенциализма, который ставил в центр проблемы человеческой смертности (а не жизни), смертности, которая открывала неповторимую индивидуальность человека. Если и можно говорить о каком-то «целом», то это не «целое» всего мира, а «целое» индивидуального сознания. Поэтому единственным вопросом философии оказывается вопрос о жизни и смерти самого

сознания. «Либо сознание – каждое конкретное сознание – единственная и высшая цель Универсума и тогда оно бессмертно, что невозможно с точки зрения конечности, ограниченности, без которой нет индивидуального сознания; либо оно должно исчезнуть без следа, уйти в абсолютную бессознательность, из которой когда-то вышло, и тогда Универсум лишен человеческого смысла, что невозможно с точки зрения жизни сознания, его цельности»¹.

Сознание мечется между этим «или-или» и это метание называется у Унамуно агонией. Когда Унамуно пишет об «агонии христианства», книге не менее знаменитой, чем «Восстание масс» Ортеги, он имеет в виду не смерть христианской религии, а «борьбу за христианство ... его смерть и воскресение в каждое мгновение моей внутренней жизни»². «Есть три возможных решения последнего вопроса бытия: а) я знаю, что умру совсем, и тогда отчаяние неизбежно; б) знаю, что не умру, и тогда смирение; в) не могу знать ни того, ни другого, и тогда смирение в отчаянии или отчаяние в смирении и борьба»³.

Как справедливо замечает М.А. Малышев, такая концепция это «последняя дань религиозной традиции, которая отнюдь не смягчает абсурдности человеческого существования, а лишь возводит его в ранг трагического героизма бесцельной и безнадежной борьбы»⁴.

Вообще, можно провести аналогию между Унамуно и Ортегой и Дон Кихотом и Санчо Пансой. Унамуно – это Дон Кихот – герой, который борется без всякой надежды на победу, замкнутый в своем индивидуальном мире. Ортега – это Санчо Панса с его жизненным разумом, настороженностью по отношению ко всякого рода гиперкультурным ценностям. Оба отлично дополняют друг друга. Когда Сервантес писал свой роман, оба эти персонажа представлялись ему комичными. Они принадлежали прошлому Испании, но не ее будущему. Сервантес был предвестником новой эпо-

¹ *Гараджа Е.В.* Унамуно об «агонии» христианства // Историко-философский ежегодник-90. М., 1991. С. 109.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 116.

⁴ *Малышев М.А.* Антиномия веры и разума в философии Мигеля де Унамуно // Философия науки, 1986. № 3. С. 96.

хи, которая «смеясь расставалась со своим прошлым», он был предвестником эпохи Нового Времени. Эту-то эпоху так не любят Ортега и Унамуно. Когда эпоха Нового Времени подошла к концу, они противопоставили ей ее же прошлое, а не будущее.

Ортега не взял той высоты, которую сам себе поставил, не сумел пробиться к Новому мировоззрению и сам стал представителем поколения дезертиров. Это отмечают его критики¹. То же относится и к Унамуно, который сумел противопоставить фашизму только «чувство трагичности» и борьбу, но, правда, с ветряными мельницами – собственным сознанием. Во всех этих странах поколение, на долю которого выпало бороться с «восстанием масс», варварством и дикостью, не сумело противопоставить этим феноменам ничего, кроме консерватизма, кроме ностальгии по прошлым временам. Причем эта ностальгия и прошлое преподносится зачастую под соусом «нового мировоззрения» и «будущего».

Мы взяли фигуру великого испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета как своего рода пример, эталон европейского интеллектуала начала XX в. Испания, ее историческая ситуация, была также «среднеевропейской». Примерно те же процессы происходили в Италии, Германии, России и других странах. Мы показали также, какие задачи ставил перед философией, перед собой и перед своим поколением Х. Ортега-и-Гассет, и убедились, что ни его жизнь, ни творчество не являются, если подходить к ним с позиций тех задач, которые он ставил перед философией, удовлетворительными. Настоящим проблемам он противопоставил прошлое, а не будущее, как того требовала и действительность и его философия. Аналогичные примеры дает интеллектуальная жизнь и других сходных по ситуации европейских стран. Это во многом проливает свет и на происходившее у нас в России в пору «серебряного века». Интеллигенция оказалась неспособной противостоять растущему напору масс; мировоззрение XIX в. с его рационализмом и материализмом оказалось сильнее и гиперкультурности и «философии жизни». И то, и другое – это позиции, не видящие будущего, отступающие перед настоящим. Гиперкультурность – это обычный консерва-

¹ См.: *Гойтисоло Х. Ортега и роман // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской культуры XX в. М., 1986.*

тизм, а философия жизни – еще более далекое, окончательное отступление к самим «истокам» культуры. Ортега и многие другие не раз упрекали массы в ребячестве, в детском эгоизме, самодовольстве, капризности и неблагодарности, но сами интеллектуалы начала XX в. повели себя не менее по-детски. Когда ребенок садится играть в шахматы и делает неправильный ход, в результате которого ему грозит проигрыш, он начинает умолять своего соперника разрешить ему «вернуться на ход назад», «переходить», а то и вообще бросает партию, чтобы начать новую, в которой он надеется выиграть. Но история – это не игра в шахматы, здесь нельзя «переходить», «вернуться на ход назад» и «начинать новую партию» только потому, что эту ты счел безнадежной. Надо в любой ситуации играть до конца, искать выходы и верить в победу. Этого азарта не хватило интеллектуальной Европе начала XX в.